

Урсу Д.П., Винцовский Т.С.

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ – ВЫПУСКНИКИ НОВОРОССИЙСКОГО (ОДЕССКОГО) УНИВЕРСИТЕТА И ИХ СУДЬБЫ

На протяжении последних двух десятилетий отечественная историография сделала существенный шаг вперед по пути изучения различных аспектов истории Украины XX века, наверное, самого заполитизированного периода ее истории. Постепенно формируется эмпирическая база тематических блоков, которые оказывались вне пределов внимания советской науки, в том числе история отдельных народов, проживающих на территории Украины. Из небытия возвращается целая плеяда прежде неизвестных личностей, оставивших яркий след в той или иной сфере деятельности. К ним принадлежит Амет Озенбашлы, одна из наиболее знаковых фигур в жизни крымских татар первой половины XX в., а также видные общественные деятели Халиль Чапчакчи и Джелаль Меинов.

Их жизненный путь, большая общественная и культурно-просветительская деятельность известны лишь в общих чертах, фрагментарно по отдельным периодам, да и то со многими вопросительными знаками. Краткие биографические очерки о Чапчакчи, Озенбашлы и Меинове не всегда на высоте, ибо не опираются на достоверные документальные источники, а на семейные предания и отрывочные газетные сообщения. Эти деятели до конца испили чашу страданий в годы сталинских репрессий, которые обрушились на крымскотатарскую интеллигенцию двумя волнами – в 1928 – 1930 гг. и в 1937 – 1938 гг. Многие годы их имена, как и множества других интеллектуалов, находились под запретом, а значительный пласт документации до сих пор недоступен исследователям.

Только в конце минувшего века информационный вакуум начал постепенно заполняться. Впервые связанное и основанное на широком круге источников описание эволюции крымскотатарской культуры в 1920 – 1930-е годы, хотя и довольно краткое, дал Д. П. Урсу [1]. Им же опубликованы сжатые биографии Озенбашлы, Чапчакчи и Млинова [2]. Из названных деятелей больше всего повезло Озенбашлы: в 1998 г., к 50-летию со дня кончины, в Симферополе была проведена Международная научная конференция и опубликованы сделанные на ней доклады [3]. Десятью годами позже была переиздана на украинском и русском языках книга Озенбашлы по истории крымскотатарской эмиграции [4]. Наконец, совсем недавно опубликованы некоторые материалы судебного-следственного дела партии «Милли Фирка», которую Озенбашлы возглавлял в 1925 – 1928 гг. [5], хотя это – лишь капля в информационном море: все дело насчитывает 48 томов и остается недоступным для ученых.

Чапчакчи и Меинову повезло меньше – их биографии и деятельность остаются покрыты мраком неизвестности. Да и, собственно говоря, некоторые жизненные этапы Озенбашлы в исторической литературе освещены бегло и поверхностно. В частности, ничего не было известно о формировании личности названных деятелей в юности, во время учебы в Новороссийском (ныне Одесском) университете, то-есть в годы перехода к взрослой жизни, когда идейные, интеллектуальные и этические ценности и приоритеты становятся вполне осязаемыми. Недостаточно освещена их многогранная деятельность в «золотой век» развития крымскотатарской культуры (1923 – 1927 гг.), а также борьба против национальной дискриминации, за сохранение и развитие родного языка.

Цель исследования, таким образом, вытекает из постановки проблемы: на основе анализа документальных источников, главным образом архивных, выяснить ключевые моменты биографии трех питомцев Новороссийского университета, их вклад в общественную и культурную жизнь Крыма в контексте модернизации крымскотатарского общества по советскому варианту. В статье впервые вводятся в научный оборот документы Государственного архива Одесской области (далее – ГАОО), малоизвестные источники из Государственного архива АРК (далее – ГААРК), других архивохранилищ, опубликованные материалы, а также информация из одесской прессы 1917 г.

Хранящиеся в ГАОО личные дела студентов местного университета сильно разнятся по объему и по своей информативной ценности. Наиболее полно представлена документация на первокурсника медицинского факультета Амета Озенбашлы. Как видно из свидетельства Бахчисарайской городской управы, Сеит Амет Озенбашлы родился 11 февраля 1893 г. в семье мещан Сеита Абдуллы и Бегие, которые занимали видное место в социальной иерархии жителей города (имели собственный дом), что, видимо, предполагало получение начального образования, поскольку последнее не только открыло перед юношей возможность в октябре 1910 г. стать учеником Симферопольской гимназии М. А. Волошенко, но и указывало на полное восьмилетнее образование, несмотря на обучение в гимназии на протяжении четырех лет. Характеристика, полученная выпускником А. Озенбашлы 14 июня 1914 г., рисовала образ почти отличника, окончившего заведение со серебряной медалью. Его аттестат украшали вполне сносные оценки со следующей успеваемостью по предметам: русский, церковнославянский, немецкий и латинский языки, философская пропедевтика, математическая география – 4 балла, законоведение, математика, физика, история, география, французский язык – 5 баллов. Вне учебной программы остались рисование, черчение и Закон Божий (для учеников магометанской веры). Также заслуживают на внимание приписки, сделанные в аттестате, которые дополнительно раскрывают черты молодого человека: «Поведение отличное, особые склонности к физико-математическим наукам» [6].

Тогда же, 8 июля 1914 г. городской голова Бахчисарая выдал бывшему учащемуся удостоверение, что он «внесен в призывной список по городу Бахчисарая на сей 1914 год для исполнения воинской повинности и пользуется льготой по семейному положению первого разряда». Известно, что его отец в

последние годы жизни тяжело болел неизлечимой болезнью, так что сей документ, полученный накануне Первой мировой войны, был крайне необходим для поступления в высшее учебное заведение. И уже 14 июля Амет написал заявление с просьбой включить его в число студентов медицинского факультета Новороссийского университета в Одессе, что было сделано 7 августа 1914 года [7].

Можно предположить, что учебный процесс не полностью устраивал студента-неофита, поскольку уже в конце I семестра (8 декабря) А. Озенбашлы пишет заявление на имя проректора университета с ходатайством перевести его, со II семестра, в Московский университет. Следуя правилам, руководство ИМУ 10 декабря обратилось с письмом в деканат медицинского факультета для получения справки-характеристики о студенте, которая была оперативно получена уже 15 декабря. В ней декан докладывал о том, что сведений об успехах студента Озенбашлы не имеет. Но еще более показательной, с точки зрения качества обучаемости студента, была переписка администрации обоих университетов. В ней фиксировались предметы, прослушанные первокурсником (анатомия человека, гистология и эмбриология, физика, ботаника, зоология, неорганическая химия) без прописанных баллов, а также кратко сообщалось, что «ни в чем предосудительным замечен не был». Тем не менее, руководство Московского университета сочло предоставленные аргументы недостаточными и 30 декабря официально отказало в переводе [8].

После неудачной акции А. Озенбашлы оставалось приложить усилия для продолжения учебы в Одессе, что он достаточно успешно осуществлял на протяжении последующих двух лет. В этот же период времени, как военнообязанный, он регулярно отмечался в «воинском присутствии» с точным определением постоянного места жительства, что позволяет установить его одесский адрес, по крайней мере в 1915 г., – улица Нежинская, 3, кв., 14. Пользуясь случаем, предложим читателю и другие адреса, по которым фиксировалось местопребывание студента, но уже после восстановления в рядах третьекурсников – ул. Пушкинская, 2 (апрель 1918 г.), ул. Княжеская, 2 (май 1918 г.), ул. Новосельского, 24, кв. 6 (январь 1919 г.). Следует отметить, что вышеуказанные проблемы стали особенно актуальными после 8 октября 1915 г., когда А. Озенбашлы повесткой вызывался в полицейское управление Симферополя для возможной отправки на фронт, как мобилизованный в русскую армию. Но уже 15 октября он получил очередную отсрочку до окончания университета [9], что, скорее всего, еще сильнее привязывало его к студенческой скамье.

Начало революционного 1917 г. не предвещало каких либо изменений в студенческих буднях. Третьекурснику записался на прослушивание лекций в V семестре по целому ряду дисциплин, среди которых патологическая анатомия, общая патология, оперативная хирургия, фармакология, акушерство и другие [10]. Кроме прочего, по словам крымского краеведа Э. Сеитбекирова, А. Озенбашлы неоднократно избирался курсовым старостой благодаря поддержке евреев против реакционной группы студентов-академистов [11]. О существующих нравах в стенах медицинского факультета накануне Первой мировой войны можно узнать из воспоминаний тогдашнего студента П. Заблудовского, который тоже подтверждал наличие серьезных межнациональных противоречий среди студентов ИМУ [12]. Э. Сеитбекиров утверждает, что «вскоре молодой политик становится председателем центрального комитета объединенного новороссийского студенчества, а после отъезда в Крым в 1917 году (в память о его продуктивной общественной деятельности) – почетным председателем этого комитета» [13]. Но на эту должность его все таки не избирали, А.Озенбашлы приблизительно неделю (22 – 30 марта) исполнял обязанности председателя временного правления Объединенного Центрального комитета, до окончательного утверждения на должности З. Рошковского, занимаясь преимущественно вопросами пропаганды, поскольку возглавлял агитационно-просветительную секцию указанного комитета [14]. Следует отметить, что противостояние различных студенческих групп в стенах университета являлось важной частью самоорганизации молодых людей, которые, таким образом, быстрыми темпами проходили ступени общественного взросления. Не удивительно, что часть из них вскоре сумели проявить полученные навыки, занимаясь партийной, политической или иной деятельностью.

Сказанное имеет непосредственное отношение к последующим изменениям в судьбе А. Озенбашлы, который вскоре был вынужден вернуться к родным пенатам. Революция внесла в казавшийся размеренным ритм жизни новые краски, которые вынудили его впервые ступить на тропу политической деятельности. На сегодняшний день сложно однозначно ответить на вопрос, когда именно будущий врач принял решение о прекращении учебы, но известно, что, по данным канцелярии ИМУ, на 20 мая он официально уже не числился студентом университета [15]. Характерно, что искомая информация непосредственно связана с перепиской канцелярии с одесскими уездными военными институтами, которые должны были реагировать на изменение статуса студентов в случае окончания или прекращения учебы и последующей мобилизации в состав армии. Еще 12 апреля соответствующие службы безуспешно разыскивали А. Озенбашлы по одному из указанных выше адресов [16], но к тому времени он уже находился в Крыму, о чем свидетельствует местная пресса. Так, в общеполитической региональной газете «Южные ведомости», в заметке от 22 апреля, впервые упоминается студент-медик А. Озенбашлы, как избранный делегатом от временного крымского мусульманского комитета, вместе с председателем вакуфной комиссии Дж. Сейдаметом, на Всероссийский мусульманский съезд, который должен был начать свою работу в Москве 1 мая 1917 года [17].

Ради полноты картины следует вспомнить еще один любопытный документ, хранящийся в личном деле студента-медика, датированный 19 мая 1918 г. (?!). Протокол, составленный начальником полицейского отделения Херсонского района Одессы, свидетельствует о продолжающихся поисках А. Озенбашлы [18]. По всей видимости, в документе ошибочно проставлена дата, поскольку весной 1918 г. личность искомого вряд ли могла интересовать местные органы гражданской, и тем более военной, власти. К тому же, 27

апреля 1918 г. совещание общественных деятелей Таврии восстанавливает губернский комиссариат в составе П. Бианки, В. Поливанов, А. Озенбашлы [19]. Намного логичней выглядят описываемые поиски, если проэцировать события на май 1917 г.

Частично проливает свет на вопрос о перерыве в обучении заявление самого изучаемого персонажа, которое он написал на имя ректора Новороссийского университета 27 января 1919 г. В ней объяснялись причины скоростного отъезда из Одессы такими словами: «...уехал к себе домой по независимым от меня обстоятельствам». И далее: «Будучи лишен возможности держать экзамены и посещать лекции в 1917/1918 уч. году по обстоятельствам революционного времени с одной стороны, и вследствие непомерной дороговизны – с другой, я впоследствии был уволен из университета за невзнос платы за право учения». Обращает на себя внимание явное несоответствие учебных курсов – известно, что А. Озенбашлы не закончил 1916/1917 уч. г., но почему-то в заявлении он упоминал следующий курс, что вряд ли можно отнести к человеческой забывчивости, учитывая краткий временной период между прекращением и возобновлением учебы. Дополнительно усиливает удивление фраза о том, что он полностью (!) закончил 3-й курс. Тем более, что заявитель просил восстановить его именно на 3-й курс. По всей видимости, молодого человека в 1917 г. всецело увлекли политические события и ему пришлось искать оправдания, не связанные с этим видом времяпрепровождения. Вместе с тем полностью исключать материальную сторону жизни тоже не следует, поскольку его фамилию находим среди получавших финансовую помощь из кассы ИНУ (90 руб.) во втором полугодии 1916/1917 учебного года. Как бы там ни было, 26 февраля 1919 г. А. Озенбашлы получил свидетельство о том, что его снова зачислили на ставший родным факультет. Но выданная лекционная книжка так и осталась не заполненной [20], сея сомнения в успешном окончании 3-го курса Новороссийского университета.

Приблизительно в это же время студентами медицинского факультета были и другие представители крымскотатарского народа – Халиль Чапчакчи, Эмир-Али Аджид Сеит Умер оглу и Мамут Гафар-оглу Умеров, а на юридическом факультете десятью годами ранее обучался Джелель-Абдула Меинов. Их судьбы, по крайней мере, в годы становления личности оказались удивительно похожими. Так, Х. Чапчакчи, родившийся 17 марта 1889 г. в Алушке (тогда село Дерекской волости Ялтинского уезда) в семье Бахчисарайского мещанина Селямета Халил оглу Чапчакчи и его жены Айше, был учеником Симферопольской частной мужской гимназии М. Волошенко с января 1909 г. по июнь 1912 г. После окончания полного 8-летнего курса он становится студентом ИНУ (место жительства в Одессе – ул. Княжеская, 13, кв. 12), где проявил свои таланты на уровне среднестатистического студента. Наиболее успешно демонстрировал способности Х. Чапчакчи по минерологии, физиологии, зоологии и сравнительной анатомии (5 баллов), физике, ботанике, общей патологии, частной патологии и терапии – по 4 балла. И несколько хуже по таким предметам как анатомия, неорганическая и органическая химия, медицинская химия, гистология и эмбриология, фармация с фармакогнозией, фармакология с рецептурой – по 3 балла [21].

Сразу после окончания университета в начале апреля 1917 г. перестала быть действительной оторочка от воинской повинности, выписанная еще в 1906 г., поэтому 24 апреля Х. Чапчакчи был зачислен в «заурядные врачи первого разряда и назначен в Северный фронт», несмотря на желание молодого специалиста получить распределение в родные края. Службу, по крайней мере до 21 июля 1917 г., он проходил в 730-м пехотном Городечненском полку [22].

Однокурсником А. Озенбашлы был житель Алушты Мамут Гафар-оглу Умеров, родившийся 7 октября 1892 г. в Алуште в семье Гафара Мустафы оглу и Фазили. В январе 1909 г. он, следуя устоявшейся традиции, стал учеником гимназии М. Волошенко, но, в отличие от вышеуказанных товарищей, его аттестат об окончании учебного заведения от 14 июня 1914 г. не изобилует высокими оценками. Будущий медик не получил выпускных «пятерок», а «четверки» и «тройки» делились приблизительно поровну. Тем не менее, это не помешало ему быть зачисленным на I курс ИНУ. В новом для себя городе М. Умеров проживал сначала по адресу – ул. Коблевская, 9, кв. 20, а уже ближе к окончанию учебы, в ноябре 1918 г., на Новосельского, 24, кв. 6, в той же квартире, где жил А. Озенбашлы в январе 1919 г., которую, скорее всего, они вместе арендовали. Известные нам источники не фиксируют, чем была наполнена студенческая жизнь указанного персонажа, поэтому наиболее значимым эпизодом стало желание М. Умерова перевестись для продолжения обучения на медицинский факультет Харьковского университета. Прошение было подписано 25 августа 1917 г., но его желание не получило поддержки со стороны руководства харьковского вуза в виду «отсутствия вакансий на младших курсах». Ожидание положительного ответа использовалось М. Умеровым в иной от учебы способ, поскольку 30 ноября 1918 г. он был зачислен не на 5-й, а на 4-й курс медицинского факультета ИНУ, объясняя сию ситуацию влиянием политических событий и невозможностью выехать в Одессу из Крыма [23].

По неизвестным причинам только в 1921 г. он закончил высшее учебное заведение, которое к тому времени уже называлось Одесским государственным медицинским институтом, с припиской – «...він виконав всі умови, щоб одержати лікарську кваліфікацію». Но последующая переписка М. Умерова с народным комиссариатом здравоохранения УССР, датированная 1931 г., дает основания предположить, что некоторые зачеты или экзамены по неизвестной нам причине могли быть студентом проигнорированы. В его личном деле хранится любопытный документ канцелярии мединститута от 29 марта 1931 г., в котором сказано, что студент М. Умеров не сдал часть дисциплин за III курс. Но тогда следует дать ответ на вопрос о причинах выдачи диплома врача. Связано ли это с манипуляциями или стало следствием всеобщего постреволюционного хаоса? Как бы там ни было, в апреле 1931 г. жителю Симферополя М. Умерову

народный комиссариат здравоохранения УССР выдал свидетельство о присвоении квалификации врача [24], что было связано с открытием 1 апреля этого же года Крымского государственного медицинского университета, и назначением М. Умерова заместителем директора [25].

30 октября 1916 г. студентом медицинского факультета стал Э.-А. Аджи Сеит Умер оглу, родившийся 1 мая 1894 г. в семье бахчисарайских мещан Аджи Сеит Умер Сеит Джемиль Челеби и Мерие, и также прошедший обучение в гимназии М.Волошенко с 27 августа 1911 г. по 28 мая 1916 г. Но, кроме оценок аттестата зрелости, факта зачисления в ряды студентов и адреса проживания в Одессе – Нарышкинский спуск (теперь спуск Маринеско) 18, кв. 11 [26], других сведений об особенностях ученого и внеучебного времяпрепровождения у нас нет.

Таким же незначительным по объему сохранилось личное дело еще одного бахчисарайца, Д. Меинова. Оно состоит из прошения от 29 июля 1906 г. о зачислении на юридический факультет и отображает переписку студента II курса с ректором Новороссийского университета о желании перевестись на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. Из указанных документов получаем информацию о том, что Д. Меинов по окончании Феодосийской гимназии в 1906 г. стал студентом ИНУ и после I курса, 20 июля 1907 г., написал указанное выше прошение, которое сопровождалось характеристикой учебных дисциплин, прослушанных студентом за год обучения, с ремаркой – «экзаменам не подвергался». Последний лист архивного дела дает основание предположить, что его желание обучаться в столице империи имело продолжение и возможно даже получило поддержку, поскольку 17 мая 1913 г. в канцелярии Санкт-Петербургского университета был подготовлен ответ в Одессу о том, что «свидетельство бывшего студента Меинова... получено» [27].

Наше исследование о крымских татарах, питомцах Новороссийского (ныне Одесского) университета, будет неполным, если не сказать кратко об их дальнейшей судьбе. Как архивные документы, так и недавно опубликованные прежде засекреченные материалы позволяют уточнить и дополнить скурые биографические сведения о Чапчакчи, Озенбашлы и Меинове, особенно в послереволюционное время. Наиболее активным был Озенбашлы, с него и начнем повествование.

Общественно-политическая деятельность недоучившегося студента медицинского факультета ИНУ в годы революции и гражданской войны изучена неплохо. Известно, что он избирался членом многих важных институций, в том числе Учредительного собрания Российской республики, Мусульманского исполкома, Курултая. Недолгое время был директором (министром) народного просвещения национального правительства Директории и на этом посту многое делал для развития образования на родном языке. Следует упомянуть и о том, что Озенбашлы подвергался преследованиям со стороны белогвардейцев и вынужден был скрываться. В эти бурные годы среди крымских татар сформировалась патриотическая организация народнического типа под названием «Милли Фирка», среди лидеров которой были Озенбашлы и Чапчакчи. Вскоре после установления в Крыму советской власти, в конце ноября 1920 г. миллифирковцы направили в обком партии мотивированное заявление, в котором обещали большевикам свое сотрудничество и просили о легализации. Спустя три дня обком принимает решение «отвергнуть соглашение с группой, как с вредным и ненужным пережитком», «начать кампанию против «Милли Фирка» устной и письменной агитации» [28]. Вскоре, однако, партийцы осознали, что без поддержки крымскотатарской интеллигенции они неспособны привлечь на свою сторону массы коренного населения.

Когда с весны 1921 г. Крым охватил сильнейший голод, а в лесах развернулось антисоветское вооруженное сопротивление, принявшие форму политического бандитизма, власти вспомнили о «Милли Фирка» и стали всячески заигрывать с местной интеллектуальной элитой. Было разрешено проведение двух татарских беспартийных конференций в августе 1921 г. и в мае 1922 г., на которых обсуждались насущные вопросы умиротворения Крыма, стабилизации хозяйственной жизни, борьбы с последствиями голода. В конце июня 1921 г. Озенбашлы и Чапчакчи совершили поездку в Москву, где вместе с наркомом по делам национальностей И. Сталиным обсуждали вопросы создания в Крыму автономной республики [29]. Об итогах конференции они доложили в августе на конференции [30].

В ноябре того же года конституировалось руководство Крымской автономной советской республики, членами ЦИК советов были избраны Озенбашлы, Чапчакчи, а также лидер «Милли Фирка», выдающийся поэт и ученый Б. Чобан-заде. Они переизбирались в этот высший представительный орган и в последующие годы [31]. В правительство республики в качестве наркома здравоохранения вошел Чапчакчи [32]. В декабре 1923 г. на III съезде советов членом ЦИК был избран еще один бывший одесский студент Джелиль Меинов, ставший к этому времени председателем Бахчисарайского райисполкома [33]. Еще раньше, в октябре 1921 г. Озенбашлы, который продолжил обучение на медицинском факультете Крымского университета (диплом врача получил в 1923 г.), был назначен директором Тотайкойского педагогического техникума. Здесь ему пришлось вплотную заняться не только налаживанием учебного процесса, но и обеспечением продовольствием как преподавателей, среди которых были видные деятели крымскотатарской культуры Чобан-заде, Акчокралы, Одабаш, Бекторе, так и учащихся [34]. О достижениях в работе техникума, деловитости его директора неоднократно говорилось на заседании партийных органов [35]. Тем не менее вскоре к нему в качестве заместителя, а фактически – политическим контролером, послали молодого партийца М. Бекирова, впоследствии сменившего его на директорском посту. Это произошло уже в марте 1924 года [36]. Тогда же обком партии утвердил «тов. Озенбашлы» вторым заместителем наркома финансов Крымской АССР [37].

Следует упомянуть еще об одной малоизвестной стороне многогранной деятельности Озенбашлы в начале 1920-х годов – его участии в хозяйственном восстановлении Крыма. Вместе с Чобан-заде и Хаттатовым, еще одним видным деятелем «Милли Фирка», он был среди учредителей производственно-

сбытового кооператива «Ширкет». В первом параграфе его устава говорилось, что целью этого общества является содействие «материальному и духовному благосостоянию своих членов посредством совместного развития и совершенствования их быта, хозяйств и промыслов на началах самодеятельности и взаимопомощи». Предусматривалось также, что часть заработанных средств пойдет на благотворительность и развитие культуры [38].

Если Чапчакчи в послереволюционное время работал по приобретенной в Одессе специальности врача и заботился о добром здравии крымчан, то Озенбашлы после короткой административно-педагогической деятельности в техникуме следил за финансовым состоянием автономной республики. Более извилистой оказалась служебная карьера Меинова. После успешного руководства Бахчисарайским районом [39] он был выдвинут на должность заместителя председателя Главсуда автономной республики. Так обозначена его последняя должность в следственных документах (арестован в ноябре 1928 г.) [40]. Однако в другом документе ГПУ, где речь идет о массовых арестах в Крыму, Меинов записан как режиссер татарского театра [41]. По-видимому, из Главсуда он был уволен с началом репрессий и перешел на работу в театр, где нашел свое истинное призвание, о чем свидетельствуют его прежние театральные рецензии, написанные с любовью и знанием дела.

Еще один питомец Одесского университета, врач Мамут Умеров, проработав по специальности десяток лет, стал руководителем только что открытого в Крыму медицинского института. В приведенном выше документе его должность обозначена как заместитель директора института, но позже военному прокурору на переследствии (в 1956 г.) он вспоминал, что был директором. Забегая несколько вперед скажем, что Умерова в июле 1937 г. арестовали, подвергли пыткам и истязаниям, приговорили к 20 годам исправительно-трудовых лагерей. Вместе с ним перед Военной коллегией Верховного суда предстала большая группа крымских врачей. В их числе находился и бывший нарком здравоохранения Билял Чешмеджи, приговоренный к смерти [42]. Другой нарком здравоохранения Ребие Бекирова, которой чекисты выдвинули абсурдное обвинение в подготовке «бактерийной войны» против советского народа, до неправого суда не дожидаясь – несчастная женщина погибла во время следствия [43].

Жизнь питомцев Новороссийского (Одесского) университета в 1920-е годы не исчерпывалась добросовестной службой в советских учреждениях. Не менее важной и полезной была их общественная и культурно-просветительская деятельность. Народная партия «Милли Фирка» (так она официально названа в заявлении на легализацию) продолжала действовать на полулегальном положении. По некоторым данным, она объединяла до 10 тыс. человек [44] и ее влияние было особенно сильным в прибрежных районах Крыма. Главное направление работы миллифирковцев – поддержка политики татаризации, развитие школьного образования, культуры, защита национальной идентичности от ассимиляции. Результатом этой созидательной деятельности явилось возрождение национальной духовной культуры в «золотое пятилетие» 1923 – 1927 годы [45]. Более подробно о деятельности «Милли Фирка» сказано в исследованиях крымских историков [46], поэтому сосредоточим внимание на некоторых малоизвестных моментах, в частности, на литературной деятельности бывших одесских студентов.

О публикациях Чапчакчи ничего не известно; Меинов регулярно печатал театральные рецензии, а Озенбашлы выпустил в 1926 г. на крымскотатарском языке исторические сочинения под двойным заглавием «Трагедия Крыма в годы царизма, или Эмиграция татар» (фрагмент из него был опубликован тогда же на русском языке в московском журнале «Крым»). Нет возможности обсуждать здесь достоинства этой замечательной работы, скажем только, что она сохранила немалую познавательную ценность до наших дней.

После отъезда Чобан-заде весной 1925 г. в Баку во главе «Милли Фирка» стал Озенбашлы. Хотя в деятельности организации не было признаков антисоветизма, и это признавали крымские чекисты, период конструктивного сотрудничества большевиков с националистами не мог длиться долго. Ликвидация «Милли Фирка» и жестокие репрессии против ее руководителей начались сразу за арестом председателя ЦИК Советов автономной республики Вели Ибраимовым в январе 1928 г. Уже в марте чекисты стали хватать крымчан и отправлять их в Бутырскую тюрьму. 12 апреля был задержан Озенбашлы, а спустя несколько дней бюро обкома партии принимает решение «снять Чапчакчи ввиду того, что на посту наркома не оправдал оказанного ему доверия» [47]. В конце июля он был арестован; очередь Меинова пришла в начале ноября. Все трое были зачислены в руководящий актив организации. На заседании коллегии ОГПУ 17 декабря 1928 г. двое первых были приговорены к расстрелу, дело же Меинова было направлено на следствие [48]. Хотя Чапчакчи по списку осужденных шел вторым, его чекисты признали виновным «наряду и в одинаковой степени» с Озенбашлы.

Несколько иначе оценил роль Озенбашлы в миллифирковской деятельности сталинский приспешник Молотов, который, выступая на заседании Оргбюро ЦК, признал, что «за спиной Вели Ибраимова стояли люди более культурные, в частности, Озенбашлы». И еще несколько ценных признаний было сделано на том заседании: «Во главе революционного движения в Крыму стояли националисты <...> Миллифирковское влияние до самого последнего времени было огромно» [49].

Более года Озенбашлы и Чапчакчи провели в камере смертников Бутырской тюрьмы и только в январе 1931 г. та же коллегия ОГПУ заменила смертную казнь на 10 лет исправительных трудовых лагерей. Оба были отправлены на строительство Беломорско-Балтийского канала, где следы Чапчакчи теряются. Озенбашлы находился здесь до 1934 г., когда по «ударным зачетам» был освобожден без права проживания в Крыму. Обосновался в г. Павлограде Днепропетровской области, где трудился врачом. Наконец, Меинов был освобожден и отправлен в ссылку в Узбекистан, где некоторое время работал театральным

режиссером. Имеются сведения, что он был репрессирован в 1937 г.

Озенбашлы прожил долгую жизнь, он скончался в 1958 г. в г. Ленинабаде (теперь Худжанд) Таджикистан, испытал еще немало горя и страданий. Впрочем, дальнейшая его биография известна только со слов дочери и документально пока не подтверждена, поскольку материалы второго судебного процесса остаются недоступными. О его жизни в годы оккупации в Симферополе, куда он приехал с семьей, имеются противоречивые сведения. Сохранился, однако, список Симферопольского мусульманского комитета, созданного оккупационными властями, в котором фигурирует и Озенбашлы [50]. Такой поступок не должен удивлять: смертник Бутырской тюрьмы, видевший гибель друзей, страдания своего народа, не мог питать любви к сталинскому деспотизму.

Известно также, что при приближении советских войск он эмигрировал в Румынию. Скорей всего это произошло весной 1944 г. во время массовой эвакуации немецких и румынских войск из Крыма. Среди 120 тыс. перевезенных в Констанцу находилось, по данным румынской статистики, 25117 граждан СССР, как служивших в добровольческих формированиях вермахта, так и гражданских лиц [51]. К сожалению, статистика не сообщает, сколько из них было крымскотатарской национальности.

Семья Озенбашлы среди многих беженцев из Крыма нашла пристанище недалеко от города Мангалия в селе Акбаш (ныне Албешть), что зафиксировано румынскими источниками [52]. Однако вскоре он был арестован местной полицией и выдан советским властям. Впрочем, этот печальный эпизод в семейных преданиях оброс романтическими подробностями. Дочь поведала, что отец собирался на маленьком самолете перелететь в Стамбул, заплатив большие деньги, а негодяй-летчик обманул и привез его прямо в Москву. Думается, что все было проще и прозаичнее. Известна, например, такая цифра: на территории Румынии укрывались 55 тыс. граждан СССР, в том числе беженцы из Крыма, из них до 1 июня 1945 г. возвращены, многие насильственно, – более 50 тысяч [53]. Среди них был, по всей вероятности, и Озенбашлы. Как и в первый раз, он был заточен в одиночную камеру Бутырской тюрьмы, где провел более двух лет. Только 20 сентября 1947 г. (эту дату запомнила его дочь) он был судим и приговорен к 25 годам трудовых лагерей. Семья, оставшаяся в Румынии, была выдана советским властям в 1952 г. Ее постигла та же жестокая кара: жену приговорили к 25 годам заключения, а детей отдали в детский дом. В 1955 г. Озенбашлы, как тяжелооболбанного, освободили, но с семьей ему удалось соединиться много позже.

Таковы краткие, но достоверные жизненные перипетии, деяния и злоключения трех из известных нам питомцев Новороссийского (Одесского) университета, крымских татар по происхождению. Что же касается других выходцев из Крыма, упомянутых в начале статьи, кроме фактов учебы больше ничего не известно. Поиски, таким образом, необходимо продолжить.

Источники и литература

1. Урсу Д. П. Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921-1941) / Д. П. Урсу. – Симферополь : Крымучпедгиз, 1999. – 143 с.
2. Деятели крымскотатарской культуры (1921-1944) : биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь : Доля, 1999. – С. 133-134, 152-155, 197-198.
3. Амет Озенбашлы – видный общественно-политический деятель Крыма, писатель-публицист. Годы, люди, судьбы : материалы междунар. науч. конф. – Симферополь : Крымучпедгиз, 1999. – 136 с.
4. Озенбашлы А. Трагедия Крыму в спогодах та документах / А. Озенбашлы. – Симферополь : Доля, 2007. – 288 с.
5. Последняя рукопись Сабри Айвазова. Дело партии «Милли Фирка» // Документы свидетельствуют / сост. : А. В. Валякин, Р. И. Хаяли. – Симферополь : Доля, 2009. – 352 с.
6. Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). – Ф. 45. – Оп. 18. – Д. 2589. – Л. 1, 5, 8, 10, 13.
7. Там же. – Л. 1, 12.
8. Там же. – Л. 2, 18-20.
9. Там же. – Л. 3, 4, 26, 27, 34, 37.
10. Там же. – Л. 55.
11. Сеитбекиров Э. Амет Озенбашлы – видный общественно-политический деятель Крыма / Э. Сеитбекиров // Амет Озенбашлы – видный общественно-политический деятель Крыма, писатель-публицист. Годы, люди, судьбы : материалы междунар. науч. конф. – Симферополь, 1999. – С. 5.
12. Заблудовский П. Е. В Новороссийском университете в годы столыпинской реакции. Фрагменты из воспоминаний / П. Е. Заблудовский // Новороссийский университет в воспоминаниях современников. – Одесса : Астропринт, 1999. – С. 195-197.
13. Сеитбекиров Э. Указ. соч. – С. 5.
14. Сын народа. – Одесса, 1917. – 19 марта, 24 марта, 30 марта.
15. ГАОО. – Ф. 45. – Оп. 18. – Д. 2589. – Л. 41.
16. Там же. – Л. 37.
17. Южные ведомости. – Симферополь, 1917. – 22 апреля, 30 апреля.
18. ГАОО. – Ф. 45. – Оп. 18. – Д. 2589. – Л. 34.
19. Зарубин В. Г. Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. – 1921 г.) / В. Г. Зарубин // Историческое наследие Крыма. – 2003. – № 1. – С. 66.
20. ГАОО. – Ф. 45. – Оп. 18. – Д. 2589. – Л. 4, 61, 62; Оп. 22. – Д. 118. – Л. 2.
21. Там же. – Оп. 5. – Д. 14392. – Л. 4, 29, 34; Оп. 18. – Д. 2966. – Л. 1.
22. Там же. – Оп. 5. – Д. 14392. – Л. 24; Оп. 18. – Д. 14392. – Л. 2-3.

23. Там же. – Оп. 18. – Д. 3312. – Л. 1, 4, 5, 7, 15, 25.
24. Там же. – Л. 30, 36, 48.
25. Змерзлый Б. В. Привлечение крымских татар в вузы Крымской АССР в 1920-1930-х годах : [Электронный ресурс] / Б. В. Змерзлый. – Режим доступа : http://www.nbuv.gov.ua/Articles/KultNar/52_1/pdf/knp52_1_26-30.pdf. - С. 29.
26. ГАОО. – Ф. 45. – Оп. 18. – Д. 701. – Л. 3, 8-10, 17, 21, 22.
27. Там же. – Оп. 5. – Д. 8734. – Л. 1-3, 4.
28. Государственный архив Автономной Республики Крым (далее – ГААРК). – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 9-10.
29. Последняя рукопись Сабри Айвазова. – С. 102.
30. ГААРК. – Ф. Р-1188. – Оп. 3. – Д. 68. – Л. 231-234.
31. Там же. – Ф. Р-663. – Оп. 1. – Д. 1095. – Л. 13.
32. Там же. – Д. 1 «А». – Л. 24.
33. Красный Крым. – 1923. – 16 декабря.
34. ГААРК. – Ф. Р-652. – Оп. 1. – Д. 208. – Л. 555.
35. Там же. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 287. – Л. 5-6; Д. 288. – Л. 22.
36. Там же. – Л. 26.
37. Там же. – Д. 320. – Л. 43.
38. Там же. – Ф. Р-151. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 24; Ф. Р-1677. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 51.
39. Там же. – Ф. П-100. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 18-22, 67; Д. 31. – Л. 100.
40. Последняя рукопись Сабри Айвазова. – С. 170.
41. ГААРК. – Ф. Р-20. – Оп. 3. – Д. 85. – Л. 37.
42. Там же. – Ф. Р-4808. – Оп. 1. – Д. 09255. – Л. 163-164.
43. Там же. – Д. 012016. – Л. 4, 35.
44. Там же. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 167. – Л. 89.
45. Урсу Д. П. Очерки истории культуры / Д. П. Урсу. – С. 15-39.
46. Урсу Д. П. Бекир Чобан-заде: Жизнь, судьба, эпоха / Д. П. Урсу. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2004. – С. 53-81; Хаяли Р. И. Очерки истории общественно-политической и культурной жизни крымских татар в XX веке / Р. И. Хаяли. – Симферополь : Доля, 2008. – С. 263-267.
47. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 21. – Д. 2471. – Л. 57.
48. Последняя рукопись Сабри Айвазова. – С. 182-205.
49. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 113. – Д. 644. – Л. 45-58.
50. ГААРК. – Ф. П-156. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 6.
51. Oroian T. Actiunile militare desfasurate de armata romana in Kuban si Crimeea / T. Oroian. – Buc. : Paidea, 1996. – P. 168-170.
52. Akmolla G. Monografia comunei Albesti / G. Akmolla, S. Omer. – Constanta : Newline, 2007. – P. 9.
53. Dutu A. Intre Wehrmacht si Armata Rosie / A. Dutu. – Buc. : Editura Enciclopedica, 2000. – P. 265.

Хайрединова З.З.

УДК 070(477.75):297

И. ГАСПРИНСКИЙ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАВРИЧЕСКОГО МАГОМЕТАНСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ТЕРДЖИМАН»

Великий крымскотатарский просветитель-гуманист Исмаил бей Гаспринский, 160-летие со дня рождения которого отмечается в этом году, без сомнения, сыграл решающую роль в национальном возрождении не только рубежа XIX-XX вв., но и рубежа XX-XXI вв. Идеи, мысли и труды Исмаил бей актуальны и сегодня, его деятельность является ярким примером беззаветного служения своему народу.

И. Гаспринский по праву считается крымскотатарским первопечатником. Делом всей его жизни явилось издание русско-крымскотатарской газеты «Переводчик-Терджиман», которая печаталась с 1883 по 1918 год. В ней нашли отражение все стороны жизни мусульман как Таврической губернии, так и многих других регионов России. В своей газете И. Гаспринский много внимания уделял проблемам и нуждам «русских мусульман». Одной из важных тем была деятельность управления религиозными делами мусульман – «Таврического магометанского духовного правления» (ТМДП).

Как известно, ТМДП было учреждено императрицей Екатериной II еще в 1794 г., но фактически начало работу лишь с 1831 – после принятия «Положения о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащих ведению его делах» [1]. Духовным правлением руководил Таврический муфтий, а помощником муфтия являлся кади-аскер. Членами ТМДП были уездные кадии (Симферопольский, Феодосийский, Ялтинский (с 1839 г.), Перекопский, Евпаторийский и Ногайский). В ведении ТМДП находились культовые сооружения (мечети, текие, дюрбе), конфессиональные учебные заведения (мектебы и медресе), вакуфные имущества, право толкования шариата и применения исламских юридических норм. Ему подчинялось все мусульманское духовенство Крыма.

И. Гаспринский живо интересовался всеми проблемными вопросами жизни мусульман. Так, буквально с первых номеров «Терджимана» читатели узнали, какие главные вопросы нужно решать уже сейчас. В 1883